

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-1-19-39>

**Проблематика реализации свободы совести и свободы вероисповедания
в период становления электронного государства в Российской Федерации
(правовой и нормативно-религиозный аспекты)**

Д. С. Петренко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

**The Problems of Realizing Freedom of Conscience and Freedom of Religion
during the Formation of an Electronic State in the Russian Federation
(Legal and Regulatory and Religious Aspects)**

D. S. Petrenko

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Petrenko.DS@rea.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемные аспекты реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания в контексте проводимой в России официальной политики по формированию системы электронного правительства в период 1990–2010-х гг. Автором на основе рассматриваемого в публикации теоретического, законодательного и богословского материала делается вывод о перманентной конфликтности между правовым регулированием и административной деятельностью электронного правительства в его специфическом российском варианте, с одной стороны, и некоторыми религиозными нормами, мировоззрением ортодоксальных православных христиан, их конституционными религиозными правами – с другой. Делается акцент на фактах правовой и неформальной дискриминации в рамках электронной государственности прав лиц, отказывающихся по религиозным мотивам от использования в публичном пространстве информационно-коммуникационных технологий. Причинами разрыва между системой «электронное правительство» и православным миром определяются избыточные технократизм, оптимизм и энтузиазм лиц, определяющих актуальную политику реализации концепта «электронного правительства». Для решения этих проблем предлагается развивать комплекс правовых средств, предоставляющих гражданам возможности гарантированного выбора между информационно-коммуникационными и традиционными технологиями взаимодействия с государством.

Ключевые слова: цифровое правительство, информационно-коммуникационные технологии, индивидуальный номер налогоплательщика, электронная (цифровая) идентификация личности, персональные данные, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна.

Abstract

The article analyzes the problematic aspects of the realization of the right to freedom of conscience and freedom of religion in the context of the official policy pursued in Russia on the formation of the system of electronic government in the period of the 1990–2010s. The author, based on the theoretical, legislative, and theological material considered in the publication, concludes that there is a permanent conflict between the legal regulation and administrative activities of the electronic government in its specific Russian version, on the one hand, and some religious norms, the worldview of resistant Orthodox Christians, their constitutional religious rights, on the other hand. Emphasis is placed on the facts of legal and informal discrimination in the framework of «electronic statehood» of the rights of persons who refuse to use information and communication technologies in the public space for religious reasons. The reasons for this gap between the system of «electronic government» and the

Orthodox world are determined by excessive technocracy, optimism, and enthusiasm of those who determine the current policy of implementing the concept of «electronic government». To solve these problems, it is proposed to develop a set of legal means that provide citizens with the opportunity to choose between information and communication and traditional technologies of interaction between the state.

Keywords: digital government, information and communication technologies, individual taxpayer number, electronic (digital) identification of a person, personal data, personal and family secrets.

Сегодня в пространстве государства и права постоянно проектируются, апробируются, трансформируются и с поразительной быстротой меняются многочисленные государственно-управленческие сущности, содержанием которых является широкомасштабное внедрение информационных коммуникативно-сетевых технологий в деятельность государства. Казалось, еще совсем недавно, пять – десять лет назад, мейнстримом были «электронная демократия», «электронное управление», «электронное государство», «электронный парламент», «электронное правосудие», а сегодня в актуальной повестке – иные восходящие тренды – «цифровое государство», «цифровое правительство», «цифровая дипломатия», «цифровое общество» и т. п.

Об одном из упомянутых концептов – инновационной идее электронного правительства (*electronic government*, или *e-government*) – в странах Запада заговорили еще в 90-х гг. XX в. [32; 33], понимая под этим термином систему организации власти, основанную на фронтальном внедрении современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность государственных органов и учреждений с целью повышения эффективности, доступности и прозрачности их деятельности. Заметим, что здесь понятие «правительство» используется скорее не в узком смысле как определение только лишь высшего органа исполнительной власти, а в более широкой трактовке как синоним государства вообще. Данную теорию органично дополняла другая популярная тогда доктрина, предполагавшая создание «сервисно ориентированного государства» (*service oriented state*) [17], т. е. государства, предоставляющего различные услуги¹ своим гражданам в интерактивной форме [1]. Именно эти две концепции и были по-

ложены в основу создания в ряде зарубежных стран новейших форм организации и функционирования органов публичной власти, построенных на широком применении ими информационно-коммуникационных технологий.

В Российской Федерации, следующей в кильватере этой международной административной моды на информационную революцию в управлении, в середине 1990-х гг. власти начали формировать отдельные общенациональные электронные системы и сервисы, наибольшую известность из которых у россиян приобрели автоматизированные базы налогоплательщиков (начали формироваться в 1994–1999 г.), пенсионного страхования (действует с 1996 г.), а также связанные с ними индивидуальные номера налогоплательщиков (ИНН) и страховые номера индивидуальных лицевых счетов (СНИЛС).

С начала нулевых годов идея электронного правительства в России стала обретать конкретные правовые очертания. В 2002 г. была принята федеральная целевая программа «Электронная Россия»², основной целью которой провозглашалась информатизация деятельности государственных органов. В 2008 г. федеральным правительством принимается концепция, предполагавшая необходимость создания электронного правительства³, на основе которой по поручению тогдашнего Президента Российской Федерации Д. А. Медведева была подготовлена и в 2010 г. официально утверждена программа «Информационное общество», определяющая стратегию формирования и базовые параметры электронного правительства, а если брать шире – электронного государства, на ближайшее десятилетие

¹ Именно под влиянием этой доктрины в России в 2010-х гг. в политическом, правовом и информационном дискурсе произошла замена термина «государственные функции» на «государственные услуги». Например, это нашло отражение в названии и содержании принятого в 2010 г. Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г., № 65 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 531.

³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2372.

тие¹. С этого времени понятие «электронное правительство» обретает официальный статус и стратегическое целеполагание. Государство начинает кампанию по широкой информатизации своих структур и функций, в первую очередь тех, которые связаны с коммуникациями между публичной властью и гражданами.

Именно в первые годы становления электронного правительства были приняты отдельные законы, составившие своего рода каркас электронной государственности, многие элементы которого актуальны до сих пор. Среди них наиболее значимыми стали законы «О персональных данных» (2006 г.), «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006 г.), «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (2007 г.), «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (2008 г.), «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (2009 г.), Федеральный закон «Об организации предоставляемых государственных (муниципальных) услуг» (2010 г.), «Об электронной подписи» (2011 г.) и др.

6 мая 2012 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»², в котором определялись перспективные планы и контрольные цифры вовлеченности граждан в процесс использования технологий получения государственных и муниципальных услуг в электронных форматах. Указом, в частности, предусматривалось, что к 2018 г. количество таких граждан должно достичь уровня в 70%, при этом показатель удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг планировался на уровне не менее 90%. Можно с определенной долей уверенности сказать, что именно эти контрольные цифры во многом подстегнули российскую бюрократию к тем

перегибам, которые можно было наблюдать в повседневной практике добровольно-принудительного навязывания электронно-информационного инструментария гражданам и его продавливания в различные сферы жизни общества.

В итоге, согласно официальным отчетам, эти показатели были достигнуты³, но какой ценой? Очевидно, что многие граждане стали клиентами государственных электронных услуг под явным административным нажимом, не испытывая к этому особого желания. У тех, кто знаком с историей нашего государства здесь невольно возникают параллели и ассоциации с эксцессами политики коллективизации 1920–1930-х гг. или бюрократическими методами антиалкогольной кампании 1980-х гг.

К середине 2010-х гг. практически полностью сложилась и информационно-коммуникационная инфраструктура электронного правительства, а фактически, если учитывать информационные ресурсы не только исполнительной, но и законодательной, а также судебной ветвей власти, – широкомасштабного электронного государства. Уже в 2016 г. в стране функционировали 355 федеральных и более 2 000 региональных государственных информационных систем (ГИС) [7], чем были во многом исчерпаны задачи данного проекта. После этого начался новый этап, когда на основе информационно-технологического фундамента, заложенного электронным государством стало создаваться новейшее цифровое государство, нацеленное на решение более амбициозных задач. Этот процесс всеобъемлющей цифровизации сейчас протекает на наших глазах.

При этом электроника и цифра изначально были детерминированы в каждом из этих двух упомянутых постмодернистских концептов государства будущего. Различие между ними заключалось лишь том, что если в идее электронного государства делался упор на развитие информационно-коммуникационных технологий, процессов и услуг для граждан, то в концепции цифрового государства акцент уже ставится на информации и данных об этих гражданах, преимущественно цифровых (отсюда и название) Поэтому необходимо не столько противопоставлять модели электронного и цифрового государств,

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 46. – Ст. 6026.

² См.: Указ Президента Российской Федерации № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2338.

³ Перевыполнен показатель доли граждан, использующих электронные государственные услуги. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/37922/>

сколько говорить о их преемственности. Причем электронное государство, или, иными словами, *кибергосударство первого поколения*, не исчезло бесследно. Скорее сейчас наблюдаются его перестройка, модернизация и приспособление под задачи цифровизации, т. е. его реструктурирование в цифровое государство, являющееся, по сути, *кибергосударством второго поколения*. Ряд экспертов полагает, что принципиальной разницы между электронным и цифровым вариантами такого государства нет, а смена вывесок здесь в большей степени осуществляется в полном соответствии с текущими международными постмодернистскими цифровизаторскими веяниями и не отражает каких-либо серьезных различий между ними.

Тем не менее нарративы, связанные с внедрением новейших электронных и информационно-цифровых технологий в жизнь российского государства, с течением времени изменялись. Первоначально в официальных, медийных и доктринальных источниках в актуальной повестке речь шла не о цифровом, а об электронном государстве (правительстве). Цифровым¹ в России оно стало называться лишь относительно недавно, в конце минувшего десятилетия.

Этими обстоятельствами во многом объясняется факт отсутствия в современном научном лексиконе, причем не только в его юридической, но и в информационно-технической составляющей, однозначных подходов к дефинированию понятий «информационные технологии», «электронные технологии», «цифровые технологии» и четкого определения соотношения между ними. Дефинитивный аппарат здесь крайне противоречив и неустойчив. Если в 2010-х гг. применительно к функционалу электронного государства было сформировано обобщенное и адекватное понятие «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ), то сейчас на фоне стремительного роста количества политических заявлений и научных дискуссий о цифровизации нет единодушия в определении как самого этого явления, так и смежных терминов «цифровые технологии», «цифровое государство», «цифровая экономика» и т. д.

Поэтому полагаем целесообразным в настоящей публикации и в актуальной лексике научных текстов, во-первых, придерживаться одной из популярных точек зрения, которая определяет цифровые технологии как разновидность технологий информационных (наряду с аналоговыми технологиями). Во-вторых, весь комплекс способов, методов, механизмов, процессов и средств обработки, хранения, распространения и использования информации обозначить традиционным понятием «*информационно-коммуникационные технологии*», одной из составляющей которых являются цифровые технологии [2. – С. 78]. Применительно к рассматриваемым в данной публикации вопросам это тем более резонно, если учесть, что они связаны с периодом становления в России электронного государства, который определяется в пределах середины 1990-х – первой половины 2010-х гг. В то время о цифровых технологиях еще говорили мало, и наиболее используемым было понятие ИКТ. В-третьих, по причине тесной взаимосвязи между понятиями «информационный» и «цифровой» видится вполне логичным введение в специальную лексику пока еще редко используемого термина «*информационно-цифровые технологии*» [20. – С. 42–61], сочетающего в себе прежние и нынешние лексические средства, маркирующие многообразные аспекты процесса внедрения в государственное управление технологий, порожденных информационной революцией.

Отраженный в данной публикации исследовательский интерес к аспекту свободы совести и свободы вероисповедания применительно именно к этапу становления электронного правительства и проникновения ИКТ в сферу управленческих практик российского государства связан с тем, что в этот период возник и начал усиливаться конфликт между официальной политикой по ускоренному внедрению информационных технологий и религиозными убеждениями значительной части верующих россиян. Ведь именно тогда, в первые годы политики сплошной информатизации публично-властного пространства, возникли основные проблемы, которые вызывали и вызывают до настоящего времени неприятие как самих ИКТ, так и используемого государством бескомпромиссного, навязчивого стиля их продвижения в жизнь граждан.

Необходимо отметить, что с самого начала осуществления политики по реализации в России концепции электронного правительства в дискур-

¹ Впервые понятие «цифровизация» было применено в отношении экономики (*digital economy*) в 1995 г. американским ученым Николасом Негропonte [35].

сивном плане оно пропагандируется как передовая, современная и соответствующая интересам общества система государственного управления, действующая на благо человека, позволяющая перейти к предоставлению государственных услуг в наиболее эффективных, доступных и отвечающих запросам россиян форматах, способствующая их вовлечению в процессы принятия решений публичного характера, а также увеличивающая степень прозрачности и подотчетности государственных органов власти гражданам. Говоря образно, речь идет о воплощении принципа «ноль бумаги», «ноль чиновников» и «ноль проблем взаимодействия» [29. – С. 51].

Один из энтузиастов внедрения ИКТ в деятельность государства, третий Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, в 2010 г., характеризуя плюсы этой системы организации государственной власти, заявлял, что «электронное правительство и электронное управление – это невозможность получить через Интернет бумажный бланк и потом отнести его в соответствующее ведомство, а возможность получить электронную услугу, не выходя из своей комнаты»¹.

Несмотря на всю оптимистичную риторику *фанатичных идеологов* электронной государственности, которые в своих панегириках пророчат электронно-цифровым инновациям ослепительные перспективы, в обществе сегодня есть немало критиков и скептиков, обращающих внимание на то, что эти новейшие инструменты могут использоваться, как во благо, так и во вред гражданам. При этом сегодня власти сфокусировали свое внимание исключительно на решении задач эксплозивного распространения ИКТ и отчасти – на вопросах безопасности их применения, но они упускают из виду различные аспекты соблюдения прав и свобод человека, игнорируя то обстоятельство, что современные информационно-цифровые технологии оказывают, как положительное, так и отрицательное воздействия на тонкую материю гуманитарного измерения личности.

Случайно или преднамеренно создателями электронного государства была проигнорирована опасность, таящаяся в потенциальных тоталитарных возможностях, изначально заложенных в самой природе, структуре и логике существования любого государства, как бы оно не именовалось и на чем бы не основывалось, которые

неизменно нацелены на постоянное, непреклонное стремление к трансгрессии границ государственного контроля и влияния, т. е. преодолению любых ограничений на пути к установлению всепроникающего воздействия на страну, общество и личность. И именно новейшие информационно-коммуникационные технологии открывают колоссальные, ранее неведомые возможности для воплощения этих трансгрессивных устремлений государства в реальность. В таком контексте электронное, цифровое и тому подобное государство видится в перспективе не столько заботливым сервисным «бюро добрых услуг», сколько инструментом беспрецедентной эксплуатации человека, утратившего какие-либо гарантированные возможности для сохранения личной экономической, политической, семейно-бытовой и мировоззренческой автономии.

Известный христианский публицист А. Кураев в свое время весьма пронизательно заметил, что эти информационные технологии со временем предоставят такие средства контроля и влияния на граждан, «о которых не могли и мечтать диктаторы XX столетия... Но в распоряжении гипотетических тиранов XXI или XXII столетия эти технологии уже будут! И в этом случае частному человеку придется, конечно, весьма и весьма затруднительно...» [25].

Эти опасности осознаются современными интеллектуалами, в том числе известными российскими правоведами [9; 15; 30; 31. – С. 1075–1082]. Проблема им в целом видится в том, что строители «светлого цифрового будущего» все меньше обращают внимание на такие рудименты и сантименты, как права, свободы человека и на иные конституционные трюизмы. В первую очередь это касается всего того, что определяет границы пространства личной, в том числе внутренней свободы индивида – его личной и семейной тайны, неприкосновенности частной жизни, необходимости получения согласия на сбор, хранение, использование и распространение информации об этой частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, свободного передвижения и, конечно же, свободы совести и вероисповедания, включая право действовать в соответствии с религиозными убеждениями. Причем, на последнем из упомянутых проявлений личной свободы, закрепленных в статье 28 Конституции Российской Федерации, свободах совести и вероисповедания необходимо сделать

¹ URL: <https://www.audit-it.ru/news/account/240908.html>

особый акцент. Ибо в общественных и научных дискуссиях относительно минусов и плюсов электронного государства правового характера, как правило, рассматриваются проблемы роста киберпреступности, резкого увеличения количества различных недобросовестных манипуляций с приватными цифровыми сведениями (в том числе персональными данными граждан), проявления неэффективности защиты чести, достоинства и деловой репутации лиц, пострадавших от распространения цифровой информации, новые вызовы для интеллектуальной собственности и авторских прав, аспекты использования персональных цифровых данных враждебными иностранными акторами во вред национальной безопасности и личности их носителя, способы снижения киберрисков при осуществлении электронных платежных транзакций и многое иное. А в некоторых научных публикациях авторами даже всерьез обсуждаются правовые аспекты футуристических сценариев цифровизации, во многом напоминающие научно-фантастические технократические антиутопии.

За редким исключением, мимо внимания общественности, в том числе научной, проходят актуальные тенденции и проблемные аспекты воздействия цифровых технологий на взаимосвязанные, пересекающиеся в своем содержании *конституционные свободы совести и вероисповедания*, суть которых заключается в праве иметь и выражать в установленных законом рамках любые религиозные и иные убеждения¹. В том случае если исследования этой сферы правоотношений и проводятся, то они, как правило, осуществляются в конформном ключе и посвящены тем возможностям, которые предо-

¹ В настоящий момент наиболее частым, исторически установившимся в российском правоведении подходом к пониманию свободы совести, является ее трактовка в качестве нравственного и юридического права граждан на свободное определение своего отношения к религии, выражающегося в возможности выбирать и исповедовать ту или иную веру [4. – С. 9]. Высказываются, однако, вполне обоснованные мнения о том, что свобода совести не относится исключительно к сфере религии, а является более широким понятием, охватывающим как пассивный компонент (право убеждений, причем не только религиозных, но и моральных), так и преимущественно активный (свободу вероисповедания). Под последним понимается совокупность права исповедовать веру, совершать религиозные обряды, открыто возвещать о своих религиозных убеждениях, о своей принадлежности к определенному религиозному течению [12. – С. 57].

ставляют новые информационные технологии «киберверующим» в рамках «интернет-церкви» (internet church) и мира «киберрелигий». Анализируются различные симулякры «интерактивного пространства для души и духа» (interactive soul space). Исследуется «миссионерский потенциал технологий chat room, newsgroup, mailing list» и иных сетевых инструментов религиозной пропаганды [34]. В рамках этой апологии информационно-коммуникационных технологий находятся и рассуждения авторов о том, что «церковь сегодня признает важность интерактивной сети и присутствия в ней», о «необыкновенной коммуникативной мощи» Интернета, позволяющей решить проблему географического распространения и отдаленности верующих от Святой Земли» [8. – С. 91–100; 11. – С. 373–381; 13. – С. 291–293; 28. – С. 1137145] и об иных аспектах инновативности традиционных и новейших религий, их совместимости с технологическими новшествами.

Вместе с тем ни в актуальной законодательной и правоприменительной повестке, ни в юридическом научном сообществе практически не дискутируются те крайне болезненные и реальные угрозы, которые таят в себе информационно-цифровые технологии для содержательной части свободы вероисповедания – неприкосновенности религиозного мировоззрения, образа жизни и возможности полноценного существования многих верующих в случае сохранения ими своей религиозной идентичности, если они по вероучительным мотивам отказываются от навязываемых властями, причем как правило, на альтернативной основе, различных средств, процедур и практик ИКТ.

Более того, в обществе, экспертной среде и властных структурах к религиозным противникам ИКТ формируется негативное отношение. Общепринятым становится их огульное определение чуть ли не мракобесами, врагами прогресса, марзаматиками, лицами, извращенно, неверно и некомпетентно трактующими духовные вопросы, склонными к фобиям и оккультизму, что дает повод не считаться с их позицией. При этом, как правило, никто из представителей информационно-цифрового истеблишмента, ИКТ-лобби и провластного научного сообщества не утруждает себя диалогом с этими гражданами, нарочито игнорируя их мнения, аргументацию и проблемы, даже не пытаясь разобраться в их сути.

Не исключая того, что зачастую такая позиция является преднамеренной и нацеленной на

стремление причинить сознательный ущерб православию и православным, вместе с тем необходимо констатировать, что многие политики, tecnократы и правоведаы не знают или не понимают всех богословских тонкостей тех религиозных оснований, которые подталкивают православных ортодоксов к столь «странному», на взгляд человека с секулярным мировоззрением, упорству в отрицании информационно-коммуникационных технологий.

Попробуем, хотя бы отчасти, сделать это в настоящей публикации, оперируя при этом не только правовыми, но и религиозными нормами, поскольку без учета последних крайне сложно объективно уяснить суть нарушений религиозных прав значительной части российских граждан, их озабоченность складывающейся ситуацией и оценить адекватность правового регулирования столь неоднозначного узла проблем.

Причем акцент будет сделан на христианском вероучении, поскольку именно в его источниках содержатся наиболее четкие догматы, имеющие отношение к цифре, вследствие чего, именно в среде христианской общественности (в первую очередь православной, в определенной мере католической¹ и в малой степени протестантской) вероисповедные и светские проблемы информационно-цифровых технологий наиболее активно дискутируются. Для иных традиционных религий, которые ввиду объективных историко-культурных причин имеют на территории Российской Федерации, помимо православия, существенный численный приоритет (ислам, буддизм, иудаизм и др.), рассматриваемая в данной публикации проблематика или не носит столь острого характера, каким она является для православных христиан, или вообще не является существенной.

Предваряя краткий обзор религиозных норм и авторитетных мнений церковных деятелей, необходимо отметить, что он, во-первых, в силу незначительного формата и жанра научной статьи, вы-

бранной для данной публикации темы, предполагающей исследование преимущественно юридических аспектов рассматриваемой проблемы, не претендует на полноценный обзор всех вероятных аспектов, а тем более различных направлений внутрицерковной полемики по этому сложнейшему вопросу актуальной православной повестки. Во-вторых, акцент будет делаться на теологических основаниях позиции именно тех православных верующих, которые являются противниками тех или иных информационно-цифровых средств, форм и атрибутов, так как именно с неприятием данных инноваций этими гражданами связан конфликт между их свободой вероисповедания, с одной стороны, и действующими нормами российского права, и характером администрирования в сфере информационно-государственного управления – с другой.

В общем плане суть имеющейся проблемы заключается в том, что, решая, безусловно, важные (фискальные, правоохранительные и иные) задачи публичного характера по учету, сбору данных и идентификации граждан, но с опорой исключительно на ИКТ, без представления гражданам другой, альтернативной, неэлектронной модели идентификации² и аутентификации³, официальные должностные лица и структуры провоцируют перманентный, скрытый а зачастую и явный антагонизм между своими властными интересами и религиозно-нравственными взглядами, а также соответствующими конституционными свободами тех россиян, чьи внутренние духовные убеждения не приемлют разнообразных электронных учетов, машиносчитываемых записей, индивидуальных номеров, кодов, биометрических и тому подобных маркеров, определяющих сквозную идентификацию их личности. Потому с позиций их веры данные инновации имеют богоборческое содержание, что оскорбляет религиозные чувства этих людей и несовместимо с христианским мировоззрением.

¹ Католицизм занимает в отношении ИКТ сдержанную, двойственную позицию. Например, нынешний Папа Римский Франциск, выступая 28 сентября 2019 г. перед руководителями IBM и Microsoft приветствовал «замечательные» технологические разработки современной эпохи, но напомнил, что они требуют открытых и конкретных дискуссий для решения проблемы растущего присутствия искусственного интеллекта во всех областях деятельности человека, что достижения в развитии этого интеллекта не должны вести к новой форме варварства, где общее благо оставлено на верховенство закона сильнейших [36].

² Идентификация – соотнесение человека с его цифровым образом.

³ Аутентификация – установление подлинности, достоверное определение того, что, вступивший в контакт с системой объект, действительно является тем, за кого он себя выдает, его опознание, процесс сравнения реальных биометрических параметров личности с теми данными, которые предварительно были в отсканированном, оцифрованном виде, помещены в базу данных и зафиксированы в микрочипе.

В первую очередь этих взглядов сегодня придерживается значительная часть россиян, относящихся к категории так называемых воцерковленных, или, говоря иначе, – ортодоксальных¹ православных верующих, т. е. тех, кто ясно понимает, что цель христианской жизни – спасение², знаком с основами христианского вероучения, догматики и ведет ортопраксальный³ образ повседневной жизни на основе приоритета норм христианства.

В чем же конкретно эти верующие усматривают умаление своих религиозных прав и свобод в случае внедрения в их жизнь информационно-цифрового инструментария?

Во-первых, неприятие информационно-цифровых средств персонализированного учета и контроля сводится к исключительно острому, можно даже сказать драматическому для православного сообщества, едва не вызвавшему на рубеже 1990 – 2000-х гг. раскол православного мира, вопросу. Связан он с тем, что в процессе присвоения гражданину индивидуального номера налогоплательщика (ИНН), других цифровых персональных идентификаторов, а также при их последующей кодировке, хранении и распространении в информационно-коммуникационном пространстве, прямо или косвенно может быть использовано обозначение трех закодированных шестерок – числа «зверя» (антихриста). То есть случайно или преднамеренно, но в этих маркерах электронной персонификации человека при их последующей обработке и обороте в коммуникационных сетях используется цифровое сочетание, имеющее провокационно-кошунственный характер, оскорбляющее религиозные чувства и смущающее совесть православных верующих.

Библейские нормы о дьявольской (антихристианской) сущности этого цифрового сочетания, способах его фиксации и распространения содержатся в Апокалипсисе (Откровении) Святого Апостола Иоанна Богослова. Приведем полностью

богословский текст ключевого постулата Откровения, в котором говорится об этом, поскольку именно он лежит в основании оппозиции православных верующих к цифровым идентификаторам личности: *«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»*⁴.

Сделаем акцент на том, что это прямая цитата из Нового завета – источника, обладающего высшей силой в иерархии православных норм, игнорирование которых верующими в их мировоззренческой системе ведет к явному греху и утрате возможности спасения. Об этом также недвусмысленно сказано в Апокалипсисе: *«... Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, ..., и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его...»*⁵.

Упоминание «числа зверя» в негативной коннотации встречается также и в иных фрагментах Апокалипсиса⁶.

Именно по этим основаниям воцерковленные православные христиане испытывают унижение и отвращение к навязываемым им «числам зверя» и цифровым именам.

С этим связан еще один, воспринимаемый православным мировоззрением как греховный, подтекст в предназначенных государством персональных идентификаторах. Суть его в том, что человеку при заполнении некоторых официальных бланков, необходимых для получения услуг электронного государства, предлагаются к подписанию их безальтернативные форматы, в которых в виде штрих-кода или иного электронного варианта присутствует «число зверя – три шестерки». То, что это не пустые выдумки религиозных отщепенцев, а официальное мнение Рус-

¹ Этимологически термин ортодокс связан с греч. ὀρθός – правильно, δόξα – думать, верить.

² «...Спасение, говоря общепринятым языком, есть избавление человека от греха, проклятия и смерти... и в даровании ему вечной святой жизни в общении с Богом...» [16. – С. 4, 22]. «... Вопрос о личном спасении человека – это важнейшая истина христианского учения, («*græcīpius locus doctrinae christianae*») ...» [3. – С. 12].

³ От греч. πράξις – делать. По аналогии с ортодоксией – правильно верить, образовано понятие «ортопраксия» – правильно делать, жить, поступать.

⁴ См.: Апок.13:16–18.

⁵ См.: Апок. 14, 9–11.

⁶ См.: Апок. 19,20 и 20,4.

ской православной церкви (РПЦ) следует из заявления ее Священного Синода от 7 марта 2000 г.¹: «В некоторых документах содержится или будет содержаться штрих-код – изображение чисел в виде линий разной толщины. Каждый из этих кодов заключает в себе три разделительные линии, графически совпадающие с символом, принятым для цифры «6». Таким образом, в штрих-кодах по воле создателей международной системы заключено изображение числа 666, которое упомянуто в книге «Откровения святого Иоанна Богослова» как число антихриста (Откр. 13:16–18), а посему используется сатанинскими сектами для оскорбления Церкви и христиан.... разработчики глобальной системы штрих-кода, ... избрали символ, оскорбительный и тревожный для христиан, что выглядит по крайней мере как дерзостная насмешка».

Упомянутые выше новозаветные нормы формируют отрицательное отношение православных христиан к «дьявольскому начертанию» – «печати антихриста». И это отрицание является одним из ключевых моментов в определении ими образа настоящей жизни и проецировании загробной участи.

Во-вторых, отторжение цифровых идентификаторов и верификаторов православными ортодоксами связано с вероучительным аспектом *недопустимости замены человеческого имени христианина на обезличенный цифровой код*. Об этом, например, весьма однозначно сказано в Обращении Митрополита Почаевской Лавры Владимира и братии этой Лавры (от 16 октября 2012 г. № 91/И) на имя Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «...Обязательное и поголовное присвоение гражданам цифровых идентификаторов вместо имен, данных при крещении, однозначно трактуется в свете апокалиптических пророчеств св. апостола Иоанна Богослова... С духовной точки зрения – *добровольное принятие и использование человеком цифрового имени, вместо имени христианского, а также электронных документов – носителей его, является деянием греховным, равнозначным отречению от Христа*».

О том, что речь здесь идет именно о замене имени на номер, недвусмысленно свидетель-

ствуют формулировки российского налогового законодательства, в первую очередь Налогового кодекса РФ, в части 7 статьи 84 которого императивно установлено: «*Каждому налогоплательщику присваивается единый на всей территории Российской Федерации по всем видам налогов и сборов идентификационный номер налогоплательщика*».

Причем для IT-технологий учета именно данный номер (цифровой код) имеет определяющее значение, он является ключевым идентификатором, паролем для создаваемых баз данных о гражданине. Этот идентификатор не несет никакой информации об обычных опознавательных данных объекта учета (человека). Все остальные данные о человеке, сформированные и обрабатываемые в системе «умного государства» и «умной экономики» (имя, фамилия, отчество, дата рождения и иные естественные, «живые» сведения о личности) являются дополнительными атрибутами к этому сквозному номеру, свойствами ячейки системы, соответствующей упомянутому номеру. У этой ячейки есть имя, уникальное и неповторимое, но это цифровое имя – бездушный номер. И поскольку сегодня очевиден тренд на повсеместное проникновение информационно-цифрового учета и идентификации практически во все сферы жизнедеятельности человека, данное цифровое имя будет употребляться для распознавания личности и ее коммуникаций вместо того имени, которое человек получил при рождении (крещении). Тем более что имя, отчество или фамилия могут меняться в случаях вступления в брак, по иным семейным и личным обстоятельствам, при монашеском постриге и в иных ситуациях, а ИНН и иные цифровые «имена» – никогда.

В результате именно личный цифровой код перманентно будет становиться непеременимым условием доступа человека к участию в экономической, общественной и политической жизни и к каким-либо благам. Притом что любые попытки гражданина использовать свое нареченное имя при общении с бюрократическими, правоохранительными и иными властными структурами, социальными службами, банковско-финансовыми учреждениями, любыми субъектами легальной экономики, будут обречены на неудачу без обязательной цифровой самоидентификации.

Любой же, кто не откажется от этой перспективы по религиозным или иным убеждениям, столкнется с большим числом непреодолимых житейских трудностей, которые ставят его вне

¹ См.: Заявление Священного Синода Русской православной церкви, 7 марта 2000 г. – URL: <https://mospat.ru/archive/page/synod/2000-2/395.html>

закона и вне экономической системы, т. е. фактически переводят в позицию маргинала, изгоя постмодернистского государства и общества.

В церковном диалоге, литературе и публичных общественных дискуссиях не раз звучало предложение о замене формулировки «индивидуальный номер налогоплательщика» на более нейтральные с религиозной точки зрения фразы. Например, еще в 2001 г. РПЦ обсуждала с Министерством налогов и сборов возможность инициирования в Государственной Думе РФ проекта с предложением об изменениях в Налоговом кодексе, предусматривающих введение взамен индивидуального номера налогоплательщика понятия «номер лицевого счета налогоплательщика – физического лица». Однако этот вопрос до сих пор так и не решен положительно, несмотря на то, что церковь неоднократно просила государственную власть изъять или заменить эту символику «ради Духа Истины и мира в обществе».

Удивительное упорство законодателя, не слышащего любые разумные аргументы и предложения по корректировке формулировок законов, однозначно закрепляющих формат учета граждан в налоговом пространстве только исключительно в виде пресловутого ИНН (*номера* налогоплательщика, т. е. номера человека, а не данных о нем), создает благоприятную почву для возникновения среди верующих мнений и настроений, в том числе конспирологического характера, о преднамеренном антихристианском замысле тех, кто эти нормы разрабатывал и принимал.

В-третьих, отрицание отдельными верующими электронно-цифрового инструментария идентификации связано с опасениями, которые обозначил в одном из своих выступлений видный теолог РПЦ митрополит Волоколамский Иларион. В частности, он отметил, что «кипучая энергия» государства пытается «окончательно порвать с христианством, сдерживавшим ее тоталитарные импульсы», «она бессознательно стремится к установлению абсолютной диктатуры, ... полного контроля над каждым членом общества». Результатом таких процессов, по мнению митрополита, *станут упоминаемые в пророчествах Апокалипсиса «образы тоталитарной империи», которые, воюя «против святых», упо-*

требляют для этой цели « всю свою колоссальную мощь и средства контроля»¹.

В этом контексте ИНН и прочие уникальные, несменяемые, пожизненные и посмертные цифровые номера человека, заменяющие его имя во взаимоотношениях с властными и коммерческими структурами, позволяющие отслеживать все социально значимые действия личности в реальном масштабе времени со всей очевидностью выступают элементами упомянутой тоталитарной системы.

Немалому количеству верующих людей с этим трудно смириться. Принятие внешних персональных цифровых индикаторов, дача согласия на дактилоскопический и иной биоучет, на обработку своих персональных данных и т. п. – *дело греховное и богоборческое, означающее для этих православных христиан переподчинение себя, своей воли хозяевам антихристианской, антихристовой системы.*

Известно, что Иисус Христос в свое время призывал подданных Римской империи платить налоги в пользу кесаря: «итак отдавайте кесарю кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22. 16–21) [21]. Поэтому христиане в большинстве своем действительно были и являются в настоящий момент законопослушными налогоплательщиками. Проблема только в том, что кесарь, т. е. государственная власть, чем дальше, тем больше своими информационно-цифровыми фискальными и контрольными новациями создает для христианина неразрешимый внутренний мировоззренческий конфликт. Поскольку после приобщения к «дивному цифровому миру», навязываемому властью кесаря, ортодоксальному православному крайне сложно воздавать Божие Богу, сознавая, что он уже не может после этого наследовать Царствие Божие.

В результате вопросы цифровизации личности, в первую очередь принятия или непринятия ИНН и иных цифровых атрибутов, стали восприниматься многими христианами как испытание на верность Христу, так как согласившись, помимо прочего, принять такой номер, православный этим поступком дает свое согласие на ту или иную форму, пускай хотя бы пассивного участия

¹ Выступление митрополита Волоколамского Илариона на конференции «Значение Миланского эдикта в истории европейской цивилизации и актуальные вопросы отношений церкви и государства в современных условиях». 6 апреля 2013 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2885605.html>. [43].

в строительстве мирового порядка нового типа, в облике которого просматриваются явные черты царства Антихриста.

В творениях выдающегося богослова-миссионера и подвижника начала XX в., священномученика архиепископа Пермского Андроника (Никольского) сказано: «Пусть никто не верит наговорам обольстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни, нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем. А потому нам вовсе не безразлично – что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения...»¹.

Поэтому существенная часть православных искренне полагает, что вторжение в жизнь христианина информационно-коммуникационных технологий, в особенности цифровых, при добровольности согласия верующего на их использование, угрожает спасению его души.

Еще 20 лет назад тревога по всем вышеизложенным проблемам была высказана Святейшим Патриархом Алексием II в его докладе на Архиерейском Соборе, состоявшемся 13–16 августа 2000 г.: «Одной из проблем, вызвавших в последнее время серьезную обеспокоенность верующих, стало намерение властей организовать сбор информации о гражданах, которая будет храниться в специальных компьютерных системах. Опасения вызваны несколькими вопросами. Во-первых, предполагается ввести специальные идентификаторы, содержащие определенную информацию о человеке, возможно, не вполне ему известную и подконтрольную. ... Многие верующие полагают, что таким образом будет нарушена тайна личной жизни; мало того, условием получения идентификаторов со временем может стать полное согласие с секулярными, гуманистическими идеологемами... Во-вторых, каждому налогоплательщику присваивается индивидуальный налоговый номер, который некоторыми людьми воспринимается как некое новое «имя», отличное от данного при Крещении. Наконец, вызвало у части верующих смущение присутствие на бланках

заявлений о присвоении налогового номера так называемого штрих-кода...»².

В октябре 2004 г. Архиерейским Собором РПЦ было адресовано Послание Президенту РФ, в котором говорилось: «...Учитывая опасения многих верующих граждан, Собор призывает государственную власть принять во внимание их озабоченность при разработке новых образцов основного документа гражданина России [электронного удостоверения личности], который, как мы считаем, не должен содержать отметку о личном коде, а также какие-либо данные, неизвестные или непонятные владельцу документа. Необходимо приложить все усилия, чтобы развитие законодательства и административной практики в сфере идентификации граждан не ущемляло их вероисповедной и мировоззренческой свободы...»³.

На этом РПЦ не прекратила богословского осмысления процессов и тенденций электронной государственности, как и попыток достучаться до власти, с целью сдерживания перегибов в осуществлении принудительной политики навязывания ИКТ православным россиянам. В 2013 г. РПЦ приняла важный нормативно-религиозный документ под названием «Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных»⁴. В нем православная церковь однозначно установила «*обоснованность тревоги*» верующих *за чистоту и свободу исповедания своей веры в случаях использования пожизненно-персонального цифрового идентификатора*. При этом Церковь официально подтвердила, что причины отрицания православными верующими идентификационной системы, использования документов с электронными идентификаторами личности «*религиозно мотивированы*» (курсив мой. – Д. С.), т. е. они не являются маргинальными, беспочвенными страхами и фобиями. Церковь также «...разделяет опасения граждан и считает недопустимым ограничение их прав в случае отка-

¹ Ищенко Борис (иерей). Память святых Царственных мучеников. – URL: <http://www.arhangel.pravorg.ru/2016/07/22/pamyat-svyatyx-carstvennyx-muchenikov/>

² Русская Православная Церковь на рубеже веков : доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской православной церкви 13 августа 2000 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/421863.html>

³ Послание Архиерейского Собора Русской православной церкви Президенту Российской Федерации В. В. Путину, 6 октября 2004 года // <https://mospat.ru/archive/2004/10/7805/>

⁴ Документ принят Освященным Архиерейским Собором Русской православной церкви 4 февраля 2013 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html>

за человека дать согласие на обработку персональных данных»¹.

Нельзя при этом забывать, что современный верующий проживает не в хрустальной башне, а в обществе, причем обществе преимущественно нерелигиозном.

Поэтому, рассматривая теологические аспекты ИКТ, необходимо учитывать, что этот вопрос имеет два измерения: религиозное и секулярное. Как мы установили выше, ревнителей христианства и некоторых иных конфессий в рассматриваемом модернистском процессе волнуют в первую очередь вопросы вероучительные. Но политика по активному внедрению ИКТ в пространство взаимодействия личности и государства также в существенной мере затрагивает права россиян, не имеющих радикальных религиозных воззрений, равно как права и тех, кто вообще придерживается атеистических убеждений.

Ведь даже современная безрелигиозная светская мораль, существующая в дискурсе секулярной идеологии и этики, не признает нарушения этической и юридической автономии личности (тайны личной жизни, приватного пространства, законной финансовой деятельности субъекта), которая, увы, в случае использования ИКТ, и особенно идентифицирующих цифровых инструментов, легко может быть нарушена. Например, в техническом плане использование идентификационных номеров человека (в частности, ИНН) позволяет собирать информацию о его конкретных действиях (покупках, обращениях в медучреждения, перемещениях) и предпочтениях (вкусах, увлечениях, личных контактах), что по сути является запрещенным законодательством сбором информации о частной жизни граждан.

Электронно-информационная трансгрессия государства является угрозой пространству свободы не только лиц, исповедующих религию, но и вообще всех граждан, их праву жить в обществе в соответствии со своими морально-нравственными императивами, принципами и убеждениями (причем, не обязательно религиозными). Любому человеку, как верующему, так и атеисту, мало радости доставляет бесцеремонное вмешательство в свою частную жизнь, проникновение в интимные пределы личного повседневного быта,

давление на автономию определения модели собственного поведения, на свои нравственно-мировоззренческие ориентиры.

Довольно унижительно осознавать, что твои отношения с государством строятся на основе твоего расчеловечивания – оцифровки твоей личности и унижающей твое достоинство замене данного от рождения имени на номерной маркер, что к тебе относятся как к вещи, которую пометили инвентарным номером, как к помеченному тавром животному в стаде, или, что еще унижительней, как к заключенному концентрационного лагеря, коему присвоен лагерный номер.

Действительно, возможно ли игнорировать историческую память нашего народа, в которой неизгладимый след оставили зверства фашистов и их приспешников в концлагерях, что прочно ассоциируется с практикой присвоения в этих фабриках смерти людям обезличивающих номеров и клеймением этими номерами. Причем эти факты на Нюрнбергском процессе рассматривались в негативном ключе как античеловеческая практика и безусловное нарушение права. А отрицательное отношение к этим деяниям как преступлению против человечности на процессе со всей очевидностью явствует из контекста материалов Нюрнбергского трибунала².

Одним из излюбленных аргументов-софизмов, выдвигаемых апологетами ИКТ является энтима: «Человек, которому нечего скрывать, информационно-коммуникационных технологий наблюдения, надзора, контроля не должен бояться». И если следовать этой искаженной логике далее, то очевиден детерминированный вывод – все сторонники электронного (цифрового) государства являются законопослушными и добропорядочными гражданами, коль скоро они не рефлексируют по поводу цифровой слежки за со-

² Например, в материалах Трибунала приводится текст Директивы Верховного главнокомандования германскими вооруженными силами от 20 июля 1942 г. № 3142/42 OPF/IVii «О клеймении советских военнопленных опознавательным знаком». Клеймение указывается как один из элементов программы действий нацистов против евреев наряду с лишением их прав, собственности, применением к ним насилия, ссылки, рабства, подневольного труда, голода, убийств и массового истребления. Трибуналом были исследованы и осуждены как преступления против человечности многочисленные факты присвоения людям номеров и клеймения (татуирования) ими лиц, содержащихся в немецких лагерях и еврейских гетто [18 – С. 40; 136; 277; 441; 444; 448; 665; 811; 872; 875; 877].

¹ Документ принят Освященным Архиерейским Собором Русской православной церкви 4 февраля 2013 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html>

бой. А все его противники, не приемлющие цифрового надзора, становятся в последовательности такого измышления латентными правонарушителями и девиантными личностями – «врагами государства». Однако при этом полностью игнорируется тот факт, что умные средства информационно-коммуникационного контроля позволяют отслеживать не только соблюдение гражданами норм права, но и иных социальных норм (морали, нравственности, религии, обычаев, традиций и т. п.), соблюдение или несоблюдение которых и составляет внутреннее содержание предусмотренных статьей 23 Конституции РФ прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя.

Ведь информационно-коммуникативные инструменты мониторинга за различными сферами жизни гражданина, будучи *техническим средством неизбежного действия*, также позволяют контролирующим субъектам отследить, узнать и проанализировать потребительские предпочтения, медицинские проблемы, специфические бытовые привычки, политические и религиозные взгляды, характер и подробности взаимоотношений с родственниками, социальные контакты с иными лицами, особенности полового поведения и интимные связи, своеобразие эмоций, чувств и переживаний, а также другие подробности приватной жизни гражданина, не имеющие совершенно никакого отношения к его законопослушности – неукоснительному соблюдению юридических норм.

Вместе с тем это впоследствии открывает широчайшее поле для шантажа человека, манипулирования его поведением и иных злоупотреблений этими «дополнительными» избыточными сведениями. Многочисленные факты преднамеренных утечек конфиденциальной информации о личной жизни тех или иных политиков, бизнесменов, оппозиционеров, медийных личностей и простых граждан только подтверждают эти суждения об опасности ИКТ для личной свободы граждан.

Недавно Президент РФ В. В. Путин заявил, что «наши планы повсеместного внедрения искусственного интеллекта, цифровой трансформации по глубине изменений во всех сферах аналогов не имеют. Они действительно затронут каждого человека, каждую семью...» [26]. Что ж, можно сказать, что они уже в существенной мере вторгаются в личное пространство и семейный мир россиян. Но рады ли сами граждане бесцеремонному вниманию и навязчивому вмешатель-

ству в свою частную жизнь со стороны электронного (цифрового) государства и частных субъектов «подглядывающего капитализма»¹, – это большой вопрос, негативную сторону которого нельзя заглушить никакой бравурной пропагандой и фигурами умолчания.

Интересен в связи с этим опыт Германии, где Федеральный Конституционный суд (далее – ФКС Германии) еще в 1983 г. признал право на информационное самоопределение необходимым конституционным благом. Суд усмотрел угрозу свободному демократическому строю, которая может возникнуть при современных информационных технологиях в отсутствие у гражданина контроля за сбором данных о нем самом. В решениях ФКС неоднократно отмечалось, что человек не знающий, какая информация о нем и образе его действий собирается, а также сохраняется, и не имеющий возможности на это повлиять, *из осмотрительности станет следить за своим поведением*, а это наносит *ущерб индивидуальной свободе*. Также подчеркивалось, что только в защищенном и недоступном для постороннего контроля пространстве происходит *раскрытие личности в частной жизни, выражение ощущений и чувств, мыслей, взглядов, переживаний личного свойства, проявления подсознательных эмоций и формы выражения сексуальности*. Как утверждает комментирующий эти правовые позиции ФКС Германии немецкий юрист Герхардт Баум, «приватность – это сверхпотребность человека» [5. – С. 69; 70; 72; 73]. Следуя этой логике, можно охарактеризовать информационное самоопределение человека не только как право на знание им окружающей действительности, но и право на незнание окружающими ничего о частной жизни самого человека. В связи с этим профессор университета города Майнца Уве Фолькер говорит о новейшем понимании сферы приватной жизни, как о «... про-

¹ Этот новый термин ввел профессор Гарвардской школы бизнеса Ш. Зубофф в своем рассуждения о сущности «...новой логики накопления, которую можно назвать «капитализмом наблюдения» («подглядывающим капитализмом», «капитализмом слежки»), для которого "Большие данные" являются одновременно условием и выражением. ...Эта новая информационная форма капитализма (его организации и собственности) нацелена на прогнозирование и изменение человеческого поведения как средства получения дохода и контроля над рынком... «Большие данные» – это теперь основная цель стратегий коммерциализации...» [10. – С. 75–77].

странстве, закрытом от сообщества и его требований, неполитической, свободной от государства [т. е. неподконтрольной ему] сфере, где человек может раскрыться, следуя своим правилам и своим целям...» [5]. И здесь, по мнению Г. Баума, «самые интимные пространства нашего коммуникативного существования должны быть защищены от непрошенного яркого света, кто бы его не включал – государство или просто посторонний человек» [5. – С. 74].

Неуклонное же расширение диапазона сбора, объемов обработки и масштабов учета электронных персональных данных, нарастающая в геометрической прогрессии цифровизация документооборота, средств информационно-цифрового контроля за перемещениями граждан, повсеместное внедрение безальтернативных электронных денежных расчетов и т. п. означают, помимо прочего, усиление незащищенности граждан перед административным и экономическим давлением, навязывание невыгодных человеку моделей поведения, управление и манипулирование людьми через регулирование электронных статусов и т. п.

Поэтому главное, что может и должно обеспечить государство, в том числе посредством адекватного правового регулирования, – сохранение человека, его облика и уязвимого пространства гуманности, не позволив себе поддаться желанию одним радикальным скачком, наперекор всему, осуществить очередную, на этот раз информационно-цифровую, революцию. Ибо сколько уже было таких «скачков», «переломов» и «революций» в отечественной истории, которые заканчивались национальной катастрофой и миллионами личных трагедий.

Трудно при этом отрицать, что длительное время современное российское государство выдерживало нейтральную, сбалансированную линию в рассматриваемом вопросе.

Общая официальная позиция на этот счет несколько лет назад была выражена Государственно-правовым управлением Президента РФ в том смысле, что «...любые формы принуждения людей к использованию электронных идентификаторов личности автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, личной конфиденциальной информации, недопустимы»¹.

¹ Разъяснение Государственно-правового управления Президента Российской Федерации Святейшему Патриарху

В федеральном законодательстве принцип демократического самоопределения гражданина в решении им вопросов использования или неиспользования ИКТ, согласия или несогласия на обработку своих персональных данных и недискриминации его по этому поводу, тоже нашел свое закрепление.

В Конституции РФ (ст. 24) еще с 1993 г. действовала норма, запрещающая «...сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица...» без его на то согласия.

Кроме того, в соответствии с нормой статьи 28 Конституции РФ, продублированной в пункте 1 статьи 3 Федерального закона № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в России было гарантировано право каждого не только свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, но и действовать в соответствии с ними. А пункт 3 этой же статьи Федерального закона № 125 запретил устанавливать преимущества, ограничения или иные формы дискриминации в зависимости от отношения к религии².

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливалось правило об обязательной даче добровольного согласия гражданина на их обработку «свободно, своей волей и в своем интересе».

Другим законом от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ в пункт 7 статьи 84 Налогового кодекса РФ был добавлен абзац 6, содержащий принципиально важную норму: «...Физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, вправе не указывать идентификационные номера налогоплательщиков в представляемых в налоговые органы налоговых декларациях, заявлениях или иных документах, указывая при этом [вместо этого] свои персональные данные...».

Государственные власти России попытались также найти компромисс с верующими в другом вопросе. В 2000 г. Министерство по налогам и сборам предоставило гражданам при получении ИНН возможность не подписывать каких-либо

Кириллу от 22 января 2014 г. № А6-403, подписанное помощником Президента Российской Федерации, начальником управления Л. Брычевой. – URL: www.patriarchia.ru

² См.: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 5 февраля 2018 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

заявлений на этот счет, а заполнить краткую анкету налогоплательщика¹.

Кроме того, паспортно-визовым законодательством² гражданам предоставлялась возможность при получении иностранного паспорта:

– либо получить такой документ в формате, содержащем электронные носители информации с записанными на них персональными данными владельца паспорта, включая биометрические персональные данные (изображение папиллярных узоров 2 пальцев рук владельца документа);

– либо получить традиционный паспорт (в форме бумажного буклета), не содержащий упомянутых сведений.

Заметим, однако, что уже здесь была заложена определенная дискриминация – биометрический паспорт выдается на 10 лет, а обычный – на 5 лет. Ничем иным, кроме как попыткой властей стимулировать таким образом граждан получать именно биометрические паспорта, данное различие адекватно объяснить сложно.

Длительное время также действовал в полном, не усеченном виде закрепленный в Федеральном законе № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» генеральный принцип вариативности формы предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг (в зависимости от желания гражданина – с использованием ИКТ или без такового)³. Однако приведенных выше политических заявлений и правовых норм уже в тот период десятилетней давности было явно недостаточно, так как они, формально устанавливая право и добровольность выбора между элек-

тронно-цифровыми или традиционными способами общения гражданина с администрацией, оставляли человека один на один с конкретными чиновниками или начальниками на работе, обладающими управленческими и экономическими возможностями вынудить человека сделать «правильный выбор» в пользу ИКТ.

При этом в тогдашнем законодательстве существовало немало норм, требующих неукоснительного согласия гражданина на получение цифровых идентификаторов, что создавало перед лицами, отказывающимися от них, практически непреодолимые юридические барьеры на пути реализации ими ряда иных, значимых конституционных прав, помимо прав религиозного характера.

Так, для тех, кто реализует свою конституционную свободу совести и вероисповедания в форме отказа от электронной номерной идентификации и учета своей личности, изначально действует прямой юридический запрет поступления на государственную гражданскую службу. Это следует из того, что лицо, пожелавшее стать госслужащим, обязано предоставить свидетельство о постановке физического лица на учет в налоговом органе, в котором содержится индивидуальный номер налогоплательщика (ИНН)⁴. Аргументированно спорить с тем тезисом, что это противоречит положениям нормы статьи 32 Конституции РФ, провозглашающей *равный доступ* граждан к государственной службе, весьма затруднительно. Так как Федеральный закон детерминировал заключение служебного контракта неукоснительным условием предоставления упомянутого свидетельства, а значит, возможность получения равного и любого иного *доступа* к государственной службе лица, по религиозным убеждениям не получившего такое свидетельство, полностью исключена.

Присвоение ИНН является обязательным условием и для осуществления индивидуального предпринимательства⁵. Данное императивное нормативное требование в свою очередь также

¹ См.: Письмо МНС РФ от 22 сентября 2000 г. № БГ-6-12/753 «Об использовании анкеты при постановке физических лиц на учет в налоговых органах» // Экономика и жизнь. – 2000. – № 45.

² См.: статьи 7,10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»; Постановление Правительства РФ от 4 марта 2010 г. № 125 (ред. от 10 февраля 2014 г.) «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию».

³ См.: Часть 6 статьи 4 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

⁴ См.: Пункт 6 статьи 26 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

⁵ См.: Пункт 11 статьи 8 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ч. I. – Ст. 3431.

вступает в коллизию с действующей российской Конституцией, статья 34 которой декларирует право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности.

Вполне понятны логически объяснимые ограничения свободы предпринимательства, вводимые посредством лицензирования, надзора за соблюдением пожарных, санитарно-эпидемиологических норм и т. п. Неоспоримы и налоговые обязательства бизнеса перед государством и обществом. Но формы администрирования налогообложения предполагаются соответствующими человеческому достоинству, не нарушающими прав и свобод граждан и предусматривающими для налогоплательщика выбор между вариантами процедур реализации конституционной обязанности уплачивать законно установленные налоги. В случае же с ИНН, как видим, это не так. Для граждан, желающих осуществлять официальное предпринимательство, выбора нет – или согласие на присвоение индивидуального номера налогоплательщика, или невозможность заниматься этой деятельностью. Иначе как дискриминацией, причем дискриминацией преимущественно людей, имеющих твердые религиозные убеждения и за эти убеждения, такую ситуацию назвать трудно.

В результате фактически от госслужбы и массовых (индивидуальных) форм ведения бизнеса отстраняются люди, относящиеся к одной из наиболее идейно мотивированных, патриотичных и традиционалистски настроенных групп граждан. Власть таким образом отказывается от духовного, интеллектуального и нравственного потенциала этих «лишенцев» новейшего, цифрового времени, который мог бы при ином подходе стать одной из наиболее устойчивых социальных опор фундамента российской государственности.

Как уже отмечалось выше, помимо правовых барьеров, существует еще и область реального правоприменения, где лица, отказывающиеся от обретения электронных идентификаторов, все чаще сталкиваются, например, с проблемами трудоустройства, ввиду произвольных, противозаконных требований работодателей об обязательном получении работниками ИНН, страхового номера индивидуального лицевого счета (СНИЛС), электронных подписей, дачи «добровольного» согласия на обработку своих персональных данных, как условия принятия на работу, поскольку «этого требуют финансово-налоговые госорганы» и вообще «это удобнее». Сле-

дование тем или иным новациям информационно-цифровой модернизации зачастую начинает рассматриваться не только, как признак приверженности идеям технологического прогресса в глазах окружающих, но и как проявление законопослушности, благонадежности перед государством, и как демонстрация необходимой для трудоустройства и карьерного роста полной лояльности работодателю.

Сформировалась негласная бюрократическая и производственно-трудовая практика, основанная на подзаконных, ведомственных нормативных актах, устных указаниях ответственных должностных лиц и руководителей, которая ставит возможность реального получения различных налоговых вычетов, социальных выплат, иных государственных и муниципальных льгот, а также трудоустройства, в прямую зависимость от предоставления гражданами электронных идентификаторов, получения ими различных социальных и иных электронных, в том числе чипированных карт, регистрации в личных кабинетах, на официальных порталах, согласия на обработку своих персональных данных и т. п. По сути, – это правовая, трудовая, кадровая, медицинская, социальная и финансовая дискриминация.

Рассматриваемая в данной публикации проблематика, отнюдь не является умозрительной. К сожалению, она стала реальностью уже в первые годы функционирования электронного правительства. Это подтверждается фактами протестных акций, проводимых *гражданами против* курса российских властей на неуклонное продвижение ИКТ в сферу их публичных контактов с государством. Например, в 2015 г. напряженная обстановка в связи с сопротивлением граждан внедрению информационно-цифровых технологий возникла в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Поводом послужили действия властей, связанные с планами массовой выдачи местным жителям в порядке эксперимента электронных удостоверений личности российского гражданина в формате универсальной электронной карты (УЭК¹).

¹ УЭК – проект, представляющий собой первую попытку российских федеральных властей внедрить электронные паспорта (удостоверения) взамен традиционных паспортов в виде бумажных буклетов (в 2010–2017 гг.). Однако впоследствии от введения УЭК государство отказалось в связи с неприемлемыми техническими, финансовыми и социальными издержками.

Еще на стадии подготовки¹ этот эксперимент вызвал масштабные протесты и большое число обращений к региональному и федеральному руководству [24] (под коллективным письмом крымчан было собрано более 6 тыс. подписей²). Причинами неприятия УЭК стало закрепление на них носителей цифровой информации, содержащей некорректную, по мнению граждан, исповедующих православие, информацию – персональные, в том числе биометрические данные гражданина в оцифрованном виде. В УЭК должны были размещаться (в визуальной форме, на чипе и в закодированном штрих-коде) более 20 наборов данных о гражданине, в том числе его СНИЛС, ИНН, номер полиса ОМС, информация о детях, брачном (небрачном) состоянии, группе крови, сведения о регистрации по месту жительства, отношение к военной обязанности и пр. В своей петиции православные верующие настаивали на выдаче им удостоверяющих документов, не имеющих графу «личный код» и кощунственную символику, противоречащую их религиозным убеждениям. Они также выдвигали требования о получении государственных и муниципальных услуг без обязательного использования цифровых способов идентификации и учета личности.

Удивляет выбор именно крымского региона для проведения столь неоднозначного социального эксперимента. Пожалуй, трудно было найти более неподходящее место и время для этого. Мало того, что данная акция привносила дополнительные затруднения в и без того сложный процесс интеграции присоединяемых территорий в состав Российской Федерации. Инициаторами эксперимента не были учтены отдельные специфические особенности населения, проживающего на этой территории. Например, на Украине православные верующие еще за десять лет до

того в упорном противостоянии с официальными властями обрели право отказываться от индивидуального налогового номера с удалением этого номера из базы налоговых органов и фиксацией в паспорте гражданина отметки о том, что он имеет право осуществлять любые платежи без использования ИНН [14]. Эта длительная борьба украинских православных верующих, в том числе тех из них, которые проживали в крымском регионе, сформировала общий мировоззренческий фон их негативного отношения к любым информационным технологиям идентификации личности. Получалось так, что, уйдя из-под националистического гнета киевских властей, вернувшись в лоно Российского государства, наши соотечественники в вопросе электронной свободы обрели меньшие возможности, чем те, которые у них были на Украине. Сложно было найти более удобный повод для антироссийской пропаганды на полуострове. Особенно, если учесть, что высшее политическое руководство России в своих публичных выступлениях продвигает тезис о Крыме как колыбели русского православия³.

На необходимость тщательной проработки любых законодательных норм, регулирующих процессы внедрения и применения информационно-коммуникационных технологий с позиций обеспечения конституционных прав верующих на свободу совести и вероисповедания, неоднократно делала акцент Русская православная церковь.

Так, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая в 2015 г. перед российским парламентом предложил вполне взвешенный подход к разрешению рассматриваемой проблемы: «Люди должны иметь право выбора – получать документы, удостоверяющие личность в виде пластиковых электронных карточек или в традиционном виде, с использованием электронных

¹ Экспериментом предполагалось выдать жителям Крыма и Севастополя 300 тыс. электронных удостоверений на добровольной основе, притом что по состоянию на 29 июня 2015 г. на территории Крымского федерального округа уже было выдано около 2 млн паспортов обычного образца на бумажном носителе в виде многостраничного буклета без электронного носителя информации. (См.: Письмо директора Федеральной миграционной службы Российской Федерации уполномоченному по правам человека в Российской Федерации от 29 июня 2015 г. № КР-1/10-7884).

² См.: Письмо Председателя Государственного Совета Республики Крым В. А. Константинова уполномоченному по правам человека в Российской Федерации от 10 марта 2015 г. № 28-39/111.

³ Об этом, например, заявил Президент РФ В. В. Путин в Послании к Федеральному собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г.: «...именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь... И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это дает нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение...» (См.: «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства»: Послание Президента Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. – URL: <http://www.kremlin.ru>)

носителей информации или без таковых. Использование автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, особенно конфиденциальной информации, должно производиться только на добровольной основе. Со ссылкой на то, что это удобно для бюрократов, нельзя тотально внедрять эти технологии»¹.

Кстати, аналогичный подход сформулирован в правовой позиции Конституционного суда РФ, зафиксированной в его Постановлении от 22 июня 2010 г. № 14-П: «цели же одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод»².

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что столь длительное и упорное сопротивление значительной части православного сообщества технологии ИНН, иным цифровым кодам и многим другим информационно-цифровым технологиям, не может интерпретироваться исключительно как результат агитации сторонников парабогословских фобий, фанатиков-отщепенцев, а также преднамеренных врагов церкви и российской государственности. По-видимому, эта проблема затрагивает основы духовной жизни многих ревнителей христианства. Для этих людей вопрос принятия цифрового кода, штрих-кода, QR-кода, чипов и т. п. явлений информационно-цифрового мейнстрима становится вопросом верности Христу.

Кроме этого, можно заключить, что библейские и иные теологические основания для неприятия многих, в первую очередь идентификационных и контрольно-аналитических инструментов электронного (цифрового) правительства, православными верующими в христианском вероучении есть. Их опасения по этому поводу с точки зрения канонов православия не являются беспочвенными, а отторжение ими новых практик использования ИКТ в том формате, который сейчас предлагается государством, религиозно мотивировано.

Налицо также усиление ортодоксальных начал в общей позиции РПЦ по данному вопросу. Если на рубеже 1990–2000-х гг. церковь прояв-

ляла осторожность и по соображениям внутреннего (нежелание создавать поводы к конфессиональному расколу) и внешнего характера (надежды на сотрудничество с государством в данном вопросе) высказывала подчеркнуто неполитическое, по возможности нейтральное отношение к ИКТ (в первую очередь к ИНН), то по мере стремительного роста присутствия инфокоммуникационного и электронно-цифрового инструментария в деятельности государства, начиная со второго десятилетия XXI в., акценты в оценках этого явления в официальной позиции РПЦ стали смещаться в пользу признания религиозной обоснованности опасений и отказных действий верующих по этому поводу, а также в выдвижении тезиса о необходимости альтернативного правового регулирования, дающего гражданину право выбора между информационно-коммуникационными и традиционными технологиями взаимодействия с публичными властями.

Одной из причин конфликта, разрыва между системой электронного правительства и православным миром, является неоправданно резкий уклон в технократизм, излишний оптимизм и опасный энтузиазм лиц, определяющих актуальную политику информатизации, а теперь и цифровизации, т. е. всех высокопоставленных чиновников, провластных экспертов, а также ответственных исполнителей на местах из числа сторонников рассвета новой цифровой эры, существующих в своем собственном измерении, которые не соотносят свои прорывные инновационные идеи и действия, с реалиями и спецификой политического, экономического, а главное, социального, в том числе религиозного, пространства России. При этом от реальных процессов, связанных с разработкой принципиальных (а не второстепенных) стратегических документов, политических решений и ключевых законов по вопросам информатизации, цифровизации, цифровой трансформации т. п., практически устранены представители православной церкви и руководящих структур иных конфессий, а также значимые общественные организации, юристы, социологи, культурологи, другие гуманитарии, имеющие альтернативную точку зрения на эти процессы, или хотя бы те, кто может рационально критиковать их.

Кроме того, можно, по-видимому, говорить о наличии неразрешимого мировоззренческого конфликта между религиозной идеологией православного христианства и идеологией электрон-

¹ См.: Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 22 января 2015 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru>

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 27. – Ст. 3552.

ного правительства и всех прочих версий очередного электронного, цифрового или иного инновационного проекта, основанного на отрицании классической веберовской бюрократической системы государственного управления в угоду передовым информационным технологиям.

В этих условиях значительная часть граждан Российской Федерации, исповедующих православие, была поставлена перед драматическим выбором: или отказ от несовместимых с их мировоззрением информационно-коммуникационных технологий в отношениях с властью и связанные с этим трудности, лишения, или полное подчинение системе, но против своей христианской совести.

Как результат, сформированная в период становления электронного государства информационно-цифровая среда, стала антагонистичной для любого человека, отказавшегося исходя из своих, предусмотренных статьей 28 Конституции РФ религиозных или иных убеждений, от присвоения ИНН, СНИЛС, ЭЦП и прочих электронных идентификаторов, а также от дачи согласия на обработку своих персональных данных. Человек, пожелавший таким образом реализовать свою свободу совести и вероисповедания, автоматически оказывался существенно ограниченным, а зачастую вообще лишенным отдельных конституционных прав. И что наиболее тревожно, это коснулось в первую очередь именно жизненно необходимых социально-экономических прав и свобод, в том числе закрепленных в соответствующих статьях Конституции РФ важнейших прав на социальное обеспечение, государственные пенсии и пособия (ст. 39), охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), трудовых прав (ст. 37). Кроме того, такие граждане фактически оказались лишенными доступа к государственной службе (ст. 32 Конституции РФ) и возможности реализовать свободу предпринимательской деятельности (ст. 34) в ее индивидуальной форме. С внедрением в жизнь россиян информационно-цифровой идентификационной системы, те из них, кто ее отвергает, оказались нередко лишенными возможностей поступать в учебные заведения, приобретать проездные документы, осуществлять имущественные сделки, коммунальные платежи и др. В целом это поставило под сомнение доступность для электронно-цифровых диссидентов благ декларированного в российской Конституции (ст. 7) социального государства и создало преграды на пути полноценного использования возможностей свободной экономи-

ки, гарантированных конституционными нормами (ст. 8; 9; 34; 35; 36). Под угрозой оказались и личные права православных верующих, как, впрочем, вообще многих россиян, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ), а также на недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о их частной жизни без личного на то согласия (ст. 24 Конституции РФ).

Решение этих проблем видится в применении светскими властями нынешнего российского государства взвешенного подхода, который предложил Освященный Архиерейский Собор Русской православной церкви, прошедший в феврале 2013 г.: «... Особенно важным Собор считает соблюдение принципа добровольности при принятии любых идентификаторов, предполагающего возможность выбора традиционных методов удостоверения личности. Собор призывает власти государств канонического пространства нашей Церкви придерживаться данного принципа. При этом необходимо проявлять уважение к конституционным правам граждан и не дискриминировать тех, кто отказывается от принятия электронных средств идентификации»¹.

Следование упомянутому принципу добровольности предполагает, что законодатель и правоприменитель будут создавать, сохранять и развивать комплекс правовых средств, предоставляющих гражданам возможности гарантированного выбора между информационно-коммуникационными и традиционными технологиями взаимодействия с государством.

Это представляется необходимым, поскольку исходя из логики норм российской Конституции любому верующему человеку государством должно быть обеспечено гарантированное и неоспоримое право поступать сообразно совести, религиозно-мировоззренческим ориентирам, не будучи отрешенным за это от значимых благ, жизни общества и государства.

В пылу административной горячки, осуществляемой в духе свойственных российской государственности традиций кампанейщины по ускоренному внедрению в жизнь россиян очередных, на

¹ См.: Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных (документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 года). – URL: www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html

этот раз информационно-цифровых новаций, российскому законодателю и правоприменителю нельзя забывать, что свобода совести и вероисповедания дает человеку право не обосновывать свои убеждения перед кем-либо, а значит он имеет право просто верить. При этом доказывать данное право на упомянутую свободу кому-либо он не обязан, поскольку имеет все законные (в первую очередь конституционные) основания для того, чтобы государство считалось с этой

свободой. Принуждение же его поступать вопреки религиозным и иным убеждениям является ничем иным, как давлением на религиозный выбор личности, открытым произволом и нарушением прав человека. Такой путь связан с опасностью для всех ревнителей православного благочестия, для свободы мировоззренческого самоопределения личности как таковой.

Список литературы

1. Азизов Р. Ф. Проблема соотношения терминов «электронное правительство» и «электронное государство» в современном информационном праве // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4 (33). – С. 135–143.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : ИКАР, 2009.
3. Архимандрит Сергей (Страгородский), ныне Митрополит Московский. Православное учение о спасении. – Казань : Типо-Литография Императорского университета, 1898.
4. Архирейская Т. Ю. Правовые основы деятельности религиозных объединений в России: история и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
5. Баум Г. Спасти права граждан. – М. : Сектор, 2015.
6. Гагуа А. К. (Агафангел, игумен). Проблема цифровизации жизни современного общества и культуры в контексте православного мировоззрения. – URL: // <https://bogoslov.ru/article/6024986>
7. Горбачев А. Как будет развиваться рынок ИТ в госсекторе в ближайшие годы? – URL: https://filearchive.cnews.ru/files/reviews/2016_04_05/13_Gorbachev.pdf
8. Ермакова М. В. Использование интернет-коммуникаций святым престолом и Русской православной церковью // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 91–100.
9. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета – Столичный выпуск. – 2018. – № 7578 (115).
10. Зубофф Ш. Большой Другой: Надзорный капитализм и перспективы информационной цивилизации // Journal of Information Technology. – 2015. – № 30. – С. 75–77. –DOI: 10,1057/jit.2015.5.
11. Иванов А. В. Цифровая религия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – № 4. – С. 377–381.
12. Иванюк О. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2010. – № 9 (165). – С. 57).
13. Колкунова К. А. Религия и Интернет // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб. : Платоновское философское общество, 2017. – С. 291–293;
14. На Украине пересчитают тех, кто отказался от ИНН. Седмица. – URL: http://otechestvo.org.ua/vesti/2004_10/v_27_06.htm/
15. Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е., Мочалов А. Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – № 5 (49). – С. 5–14.
16. Новоселов М. Спасение и вера по православному учению. – М. : Печ. А. И. Снегиревой, 1913.

17. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. А. Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «Начала», 1997. Серия «Современная институционально-эволюционная теория».
18. Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 2 т. – Т. 1 / под. ред. К. П. Горшенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. – М. : Юридическая литература, 1954.
19. Обязательное введение электронных паспортов и дактилоскопии – путь к абсолютной диктатуре, – считают в Русской церкви. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=56794>
20. *Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З.* Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2019. – № 3. – С. 42–61.
21. От Матфея Святое благовествование // Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. – Свято-Введенский монастырь Оптиная Пустынь, 2005. – С. 7–155.
22. Откровение (Апокалипсис) Святого Апостола Иоанна Богослова // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета (Синодальный перевод). – М. : Московская Патриархия, 1988. – С. 1105–1180.
23. Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных (документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 года). – URL: www.patriarchia.ru/db/print/2775107.html.
24. Православные Крыма отказываются получать СНИЛС, ИНН и паспорт РФ с личным кодом. Пресс-служба Государственного Совета Республики Крым, 2016. – 2 марта. – URL: <http://www.crimea.kz/194097-Glava-parlamentskogo-Komiteta-po-kul-ture-Svetlana-Savchenko-provela-priem-grazhdan.html>
25. Пронумерованные христиане. Интервью с диаконом Андреем Кураевым // Православного обозрения «Радонеж» (спецвыпуск) : сборник материалов. 2001. – № 3–4 (110).
26. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России, 2020. – 4 декабря. – URL: <https://www.tass.ru/ekonomika/10172635>
27. Русская Православная Церковь на рубеже веков : доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13 августа 2000 г. – URL: www.patriarchia.ru/db/print/421863.html.
28. *Смирнов М. Ю.* Цифровизация как «обнуление религий» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С. 137–145.
29. *Трахтенберг А. Д.* Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва? // Антиномии. – 2017. – № 2. – С. 51.
30. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.
31. *Шахрай С. М.* «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. – 2018. – № 12. – Т. 88. – С. 1075–1082.
32. Alexander J. H., Grubbs J. W. Wired Government: Information Technology, External Public Organizations and Cyberdemocracy. Browning G. Electronic Democracy: Using the Internet to Influence Politics. – Wilton, CT : Online Inc., 1996.
33. *Browning G.* Electronic Democracy: Using the Internet to Influence Politics. – Wilton, CT: Online Inc., 1996.
34. *Menicocci M.* La Rete delle Religioni, 2005. – URL: <http://www.storiadelmondo.com/33/religioni.pdf> in Storiadelmondo, n. 33, 28 marzo 2005.
35. *Negroponte N.* Being Digital. Vintage Books. – New York : Alfred A. Knopf, 1995.
36. *Pullella P., Dastin J.* Vatican Joins IBM, Microsoft to Call for Facial Recognition Regulation, 2020. – February 28. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-vatican-artificial-intelligence/pope-to-endorse-principles-on-ai-ethics-with-microsoft-ibm idUSKCN20M0Z1>).